

17 ИЮЛ 1983

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА

г. Москва

2207

ГЕНДРИКОВ ПЕРЕУЛОК

К 90-летию со дня рождения
В. В. Маяковского

Он был великий поэт. Эпохальный. Трибун. Боец. Жизнелюб. И как больно поразило объявление на дверях Политехнического музея: «Вечер отмечается по случаю смерти поэта». Черным по белой афише. А мы, студенты, шли и шли. Мы вспоминали последний вечер в Краснопресненском Доме комсомола. Поэт был болен, охрип, ему нельзя было срывать голос, но он все же читал нам стихи. Впервые мы слышали строки, ныне ставшие хрестоматийными: «Явившись в Це Ка Ка идущих светлых лет, над бандой поэтических рвачей и выжиг, я подыму, как большевистский партбилет, все сто томов моих партийных книжек». Некоторые из «рвачей» сидели тут же в зале. Они свистели. Улюлюкали. А мы зажали им рот аплодисментами, криками «браво», «даешь, Маяковский». Он улыбался. Возможно, это была его последняя улыбка.

Трудно переоценить то, что сделал Маяковский для советской поэзии. Он ее основоположник, классик.

Мне посчастливилось видеть Владимира Владимировича, слушать его и даже разговаривать с ним. Вот некоторые из этих встреч.

Зимним вечером 1925 года в Доме комсомола Красной Пресни шел молодежный литературный вечер. В антракте за кулисами, куда мы забрались с моим товарищем В. Лебедевым, были поэты И. Уткин, А. Жаров, А. Безыменский, С. Кирсанов. Они расхаживали, курили, спорили. Мы наблюдали из своего темного уголка. Вдруг Уткин сказал:

— А Маяковского не будет!.. Зналась, что ли? Не хочет идти к молодым...

Кто-то заметил:

— Не любит он нас... Только критикует... И вообще он чужих стихов, наверное, не читает.

Эту последнюю фразу услышал возникший в дверях в клубах морозного пара Владимир Владимирович. Он встал, могучий и широкий, в какой-то невозможной большой бекеше, в ушанке и громыхнул:

— Я не читаю чужих стихов? Хотите классиков?..

Печальный демон, дух изгнания летал над грешною землей...

Великолепные строфы Лермонтова звучали, как музыка. Вспомнились стихи Маяковского «К нам Лермонтов сходит, презрев времена...».

Безыменский закричал:

— Это дьявольски хорошо. Так знаете классиков! А нас? Маяковский обернулся к Уткину:

И дед, и отец работали,

А он чем хуже других?

Мы, как зачарованные, слушали стихи Уткина в столь необычном исполнении. А Маяковский уже читал Жарова.

Гармонь, гармонь!
Родимая сторонка!
Поэзия российских

деревень...

Прочитал чудесно, с явным удовольствием. Его бросились благодарить. Он широко развел руками, улыбнулся и сказал:

— Побольше б поэтов хороших и разных...

Вначале я боялся идти к Маяковскому со своими стихами. Они были подражательны. А ходили слухи, что он суров с начинающими. Поедом ест! Но после одного вечера, где он дружески, тепло говорил со студентами, я решился.

В ответ на мой робкий вопрос по телефону Владимир Владимирович густо пробасил:

— Приходите завтра в Гендриков переулок в четыре часа дня. Всю ночь я переписывал стихи в тетрадку.

В передней меня встретил Владимир Владимирович. Он был в домашнем полосатом свитере с галстуком.

— Проходите, — указал на лестницу.

Я поднялся на второй этаж. Маяковский шел за мной. Затем толкнул дверь в маленькую комнату. Я огляделся. Много книг. Портреты. Владимир Владимирович стал к голландской печке.

— Приступим к делу. Читайте стихи.

Я стал лихорадочно листать тетрадку.

— Да вы на память, молодой человек, — заметил Маяковский.

— Не помню, — пролепетал я.

— Ну, какой же вы, к дьяволу, поэт — не помните своих стихов. Ну что же, читайте по тетрадке.

Запинаясь и нервничая, я стал читать, но потом, видя внимание поэта, справился и даже конец стихотворения прочел на память. Маяковский слушал внимательно. Молчал. Затем, к моему удивлению, повторил четверостишие из прослушанного стихотворения.

Как-то странно звучит: Маяковскому 90 лет... Старческий возраст. Это нелепо — Маяковский никогда не будет стариком. К нему скорее подходит: «У меня в душе ни одного седого волоса... иду — красивый, двадцатидвухлетний». Его жизнь вся была молодой задор, горение, неумное творчество.

Ф. МАЙСКИЙ,

кандидат филологических наук.